

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.2.12>

Ячин Сергей Евгеньевич, Кохан Ирина Николаевна

СОЮЗЫ КАК ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ

В свете герменевтической онтологии М. Хайдеггера в статье раскрывается роль союзов как частей речи в понимании сущности человеческого языка. В отличие от традиционного в языкознании преимущественно синтаксического понимания союзов, предлагается рассмотреть их с семантической и когнитивной сторон. Обнаруживается, что союзы отвечают за мыслимость "чистых" отношений как реальности особого рода. Обосновывается тезис, что именно наличие союзов характеризует специфику человеческого языка, его поэтическую, конструктивную силу. Значимость союзов обнаруживается в семантическом, синтаксическом, прагматическом и когнитивном измерениях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/2/12.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 2. С. 66-70. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

4. Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3-х т. М.: Мысль, 1972. Т. 3. 371 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Сочинения: в 14-ти т. М. – Л.: Гос. изд-во, 1929. Т. 1. Энциклопедия философских наук. Ч. 1. Логика. 367 с.
6. Дарвинизм: хрестоматия: в 2-х т. / сост. В. А. Алексеев. М.: Изд-во Московского университета, 1951. Т. 1. 846 с.
7. Лев Диакон. История / пер. М. М. Копыленко; статья М. Я. Сюзюмова; коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова; отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Наука, 1988. 239 с.
8. Нейсбит Р. География мысли / пер. с англ. Н. Парфеновой. М.: Астрель, 2012. 285 с.
9. Открытие великой реки амазонок. Хроники и документы XVI века о путешествиях Франсиско де Орельяны / пер. с исп., вступ. ст. и коммент. С. М. Вайнштейна; отв. ред. Я. М. Свет. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1963. 203 с.
10. Пивоваров Д. В. Граница // Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова и Т. Х. Керимова. Изд-е 4-е, испр. и доп. М. – Екатеринбург: Академический проект; Деловая книга, 2015. С. 144-147.
11. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447 с.

ATTEMPT OF ANTHROPOLOGICAL READING OF HEGEL'S "LOGIC"

Fedyayev Dmitrii Mikhailovich, Doctor in Philosophy, Professor
Fedyayeva Natal'ya Dmitrievna, Doctor in Philology, Associate Professor
Omsk State Pedagogical University
fedyayev@omgpu.ru; ndfed@yandex.ru

The article traces the anthropological content of dialectics. Dialectics is a doctrine of the man to the extent, in which everything that is characteristic of the Universe as a whole is inherent in him. In the Hegelian version of dialectics, anthropological material is represented widely. Thus, the doctrine of contradiction, which is commonly considered the core of dialectics, develops in the subject matter of reflection. Anthropological metaphors are typical, for example, those about the "anxiety" of any thing enclosed in borders. Abstractions come alive in characters like literary heroes. Wide dissemination of dialectical ideas is their authenticity confirmation.

Key words and phrases: dialectics; existence; essence; notion; anthropology; core of humanity.

УДК 1; 167.7

Дата поступления рукописи: 06.12.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.2.12>

В свете герменевтической онтологии М. Хайдеггера в статье раскрывается роль союзов как частей речи в понимании сущности человеческого языка. В отличие от традиционного в языкознании преимущественно синтаксического понимания союзов, предлагается рассмотреть их с семантической и когнитивной сторон. Обнаруживается, что союзы отвечают за мыслимость «чистых» отношений как реальности особого рода. Обосновывается тезис, что именно наличие союзов характеризует специфику человеческого языка, его поэтическую, конструктивную силу. Значимость союзов обнаруживается в семантическом, синтаксическом, прагматическом и когнитивном измерениях.

Ключевые слова и фразы: мышление; язык; универсалии языка; части речи; союзы; лингвистическая типология.

Ячин Сергей Евгеньевич, д. филос. н., профессор
Кохан Ирина Николаевна
Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
yachin.se@dvfu.ru; irinakokhan0502@gmail.com

СОЮЗЫ КАК ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ

Введение

Дискуссия о языковых универсалиях, инициированная Дж. Гринбергом [22, р. 73] более чем полвека назад, не утратила своей остроты и сегодня. Актуальность этой дискуссии для специалистов заключается в том, что одни выдвигают все новые и новые предположения об универсальности той или иной лингвистической формы, а другие тут же пытаются найти опровержения через демонстрацию отсутствия таковой в каком-то из существующих языков. При этом сам факт единства человеческих языков не подвергается особому сомнению, что также подтверждается возможностью принципиального межкультурного понимания и перевода с одного языка на другой. Обсуждение этой темы разделилось на два направления: на обоснование универсальной грамматики (синтаксиса), основной вклад в становление которого сделал Н. Хомский [13], и на поиск семантических универсалий [2; 30; 31].

В этой статье мы ставим своей целью привлечение внимания к союзам, значение которых в языке заключается в обозначении отношений разного рода (временных, пространственных, смысловых и пр., а также обеспечивающих связь между другими частями речи). Сразу обращаем внимание, что эти части речи одновременно выполняют в языке и синтаксические, и семантические функции. На наш взгляд, в обычной лингвистике отношение к союзам как служебным частям речи (и не только на уровне школьного курса) сильно преуменьшает их роль в языке в основном за счет того, что мало отмечается именно их семантическое значение. Между тем в том и состоит смысловое преимущество союзов относительно падежей, о чем мы упоминаем, имея в виду известную работу Ч. Филлмора «Дело о падеже» [7; 21], в которой функция падежей отнесена к глубинной грамматике

языка, семантическое же значение (в данном случае оправданно) не усматривается. Но не заметить семантическую нагруженность союзов трудно. Мы можем продемонстрировать это тем простым обстоятельством, что смысл союза сам по себе, вне контекста предложения (например, «если»), как правило, вполне понятен носителю языка. Почему? Потому что понятно, к какому *положению вещей* отсылает нас данный союз. «Если» отсылает нас к причинной связи вещей, «или» – к альтернативам, «и» – к самой связи чего угодно и т.п.

Таким образом, задачи нашего исследования – обосновать грамматическую, семантическую и когнитивную универсальность союзов, усматривая в их наличии сущностную особенность человеческого языка. Новизна исследования кроется в рассмотрении союзов как таких частей речи (языка), которые символически репрезентируют реальность мира отношений. Союзы и только они одни позволяют означать и мыслить отношения как таковые в «чистом виде». Однако обосновать этот тезис, минуя основной вопрос философии языка: вопрос об условиях возможности языка в Мире, – не представляется возможным, поскольку вопрос о мыслимости (и символической репрезентации) отношений выводит нас к проблеме смысла Бытия вообще в его отличии от сущего. Как известно, это тема герменевтической онтологии М. Хайдеггера, в которой язык понимается как «дом бытия».

О чем говорит сам факт наличия языка в Мире (о сущности языка в учении М. Хайдеггера)

Европейская философия вся, а теоретическая лингвистика – в значимых направлениях развивались в рамках великого парменидовского принципа тождества бытия и мышления. В современной и самой лаконичной интерпретации этот принцип может быть выражен формулой: «...бытие манифестирует себя как мысль» [11, с. 43]. Именно из этого допущения исходит ключевая для языкознания идея единства языка и мышления, о чем сегодня свидетельствует его ведущее направление – когнитивная лингвистика. В гумбольдтианской терминологии: язык – *ergon* мышления. Хайдеггер предлагает по-новому взглянуть на это единство бытия, мышления и языка в свете основной идеи его философии: различения бытия и сущего, предложенного им вместо метафизически традиционного различения идеального и материального. Это различие имеет принципиальное значение для понимания природы человеческого языка, поскольку оно позволяет заметить, что именно способность языка символически выражать то, что *не является сущим*, т.е. такая способность, которая позволяет сказать о возможном, творить, мечтать и формально – мыслить чистые отношения, это и есть сущностная черта человеческого языка [15]. Это означает, что особенность человеческого мышления состоит в способности мыслить бытие как бытие, т.е. умозрительно сказывать о мире чистых отношений или, что для Хайдеггера одно и то же, «полагать сущее в перспективе из возможностей» [9, с. 143-145; 10]. Отношение есть *поле возможностей*, в которых может быть положено <взаимо>действие или какое-либо свойство вещи (имеем в виду, что всякое свойство существует только в некотором отношении).

Из всех отношений самое первое – это отношение различия. Именно поэтому «для нас дело мышления, согласно предварительному именованию, есть различение *как различение*» [11, с. 34]. Ничто не мыслимо, если не различено. Такому делу различения как раз и служит язык, что, как известно, и утверждает структурная лингвистика, учрежденная Ф. де Соссюром. Объединяя эти два подхода (к бытию и языку), мы и можем спросить, что именно в языке непосредственно и ближайшим образом отвечает за способность говорить об отношениях как таковых. Это и есть союзы. Союзы эксплицитно соединяют то, что имплицитно мыслится разъединенным. Непосредственным (но имплицитным) выражением различия в языке служит аналитическое рядоположение слов (знаков) и как таковое оно не имеет специального символического обозначения. Означаются *соединительные* отношения, но которым *уже* предшествует различие. Ведь соединять можно только то, что *уже до этого* помыслено как разъединенное. Следуя здесь за Гегелем (но повторяя при этом основной ход восточной даосско-буддийской мысли), Хайдеггер полагает бытие как эквивалентное *ни-что*. Не быть «чтойностью» (лат. *quidditas*) – это и есть исходная (ещё абстрактная) характеристика бытия. Чистое различие (для его обозначения Ж. Деррида [3, с. 218; 4] предлагает специальный неографизм *differance*) – это и есть исходная особенность бытия в его отличии от сущего.

Таким образом, не проводя различия между бытием и сущим, мы не сможем усмотреть ключевую особенность человеческого языка – сказывать о незримом, о том, что доступно только умо-зрению. Речевые союзы означают смысловой переход от отношений различия к отношениям связи. Но те и другие отношения принадлежат области бытия (в отличие от сущего). Мы обращаем внимание на то, что факт непосредственной мыслимости того, что означают союзы, есть свидетельство реальности смысла бытия как такового. Понятность «и», «если», «или» и пр. – не только полагает сущее в перспективе его возможностей, но и самого мыслящего погружает в мир возможностей. Дело языка, определяющее его собственную творческую (она же – поэтическая) мощь, – полагать «сущее в перспективе его возможностей», т.е. в рамках таких *действительных отношений*, в которых *может быть положено действие*.

Более традиционен для лингвистики когнитивный подход к частям речи [5], поскольку он не предполагает различение бытия и сущего, потому и не способен уловить сущностную особенность человеческого языка: его способность говорить о незримом (о том, что не только *есть*, но и том, что *может быть*). Формально эта способность обеспечивается синтаксической возможностью устанавливать связи между словами независимо от фактического положения вещей (независимо от того, что *есть*, т.е. от сущего).

Опять же, обращая внимание на единство языка и мышления, можно заметить (применительно к когнитивным способностям человека): «Потенция – или знание – есть специфический человеческий дар нужды связности; и язык, в его расколе между языком и речью, структурно содержит эту связность, он есть ничто иное как эта связность» [16, р. 7-8].

Само по себе определение мышления как связывания не является сколько-нибудь новым. Его отчетливо проводит Декарт в своем понимании мышления («Сказать, я мыслю – означает, я связываю»), его использует Кант, определяя мышление как *связывание представлений*. Но ранее в основном имелась в виду формула суждения как таковая, слишком узкая, чтобы охватить весь спектр того, что допускает связывание в бытии и мышлении. Помимо представлений, связыванию подлежат символы и слова как таковые (пример – все типы формальных суждений «*A* есть/*и/или/если B*»); связывание имени и предмета/представления («Иванов», «Вот роза»); связывание сложных комплексов представлений и их символических репрезентаций (фактов, концепций, теорий), собственно знаний (продуктов прошлых актов мышления) и др. Еще более важно, что такое узкое понимание *связывания* (соответственно, мышления) фактически не соответствует действительному порядку следования его форм.

В этом же ключе, по сути, раскрывается понимание смысла слова в русском имяславии (П. Флоренский, А. Лосев). Так, П. Флоренский замечает, что имя связывает само по себе, указывает на предметное или символическое отношение (связь) как сущность именуемого предмета. «В собственной смысле только имя предельно прилегает к сущности в качестве ее первообнаружения или первооявления, и потому оно преимущественно именуется сущностью в полноте ее энергии» [8, с. 51].

Однако в традиционном для метафизики понимании *нужды мышления в связности* Хайдеггер усматривает тот недостаток, что мышление философски интерпретируется как акт *repraesentatio*, как *представление представления* наличного, т.е. сущего [12, с. 144]. То же, что требует осмысления (а это осмысление Бытия как бытия), остается за пределами мыслимого. Потому «Закон тождества» (как основной закон мышления) должен претерпеть изменения и быть понят как закон сопринадлежности человека и бытия [11, с. 26].

Грамматическая и синтаксическая универсальность союзов в языках мира

С лингвистической точки зрения представляется возможным обоснование универсальности союзов в языках мира, и причем в множественности их речевых функций. Так, в стандартной академической грамматике союзы рассматриваются как служебные (вспомогательные) части речи. Вместе с тем целый ряд ученых отмечают, что именно союзы отвечают за формирование смысловозначительных связей внутри словосочетаний, предложений и целых текстов [17, р. 1223; 18; 23, р. 74]. Однако во всех случаях семантическая и когнитивная функции союзов (к которым можно было бы добавить и поэтическую – в смысле Р. Якобсона [14, с. 96-128]) явно отводятся на задний план. Между тем в свете современных данных о происхождении человеческого языка [1] этим функциям следует придать первостепенное значение.

Главным критерием при рассмотрении грамматического значения союзов выступает морфологический тип языка [23, р. 34]. Наиболее велика роль служебных частей речи в аналитических языках, где падежные отношения выражаются посредством использования союзов, предлогов, а также общими правилами типологии порядка слов. Из этого можно заключить, что в аналитических языках, таких, к примеру, как английский, вспомогательные части речи обладают не только грамматическим и синтаксическим значением, но и формируют общее семантическое значение высказывания.

При этом грамматическая и синтаксическая сила служебных частей речи может варьироваться в зависимости от их функционирования и целостной прагматики предложения, которое они формируют [29, р. 19]. Вариации также затрагивают формат высказывания. Так, в устной речи союзы могут нести дополнительную просодическую эмотивную нагрузку.

В языках синтетического типа роль служебных частей речи зачастую недооценивают, оставляя за ними функцию связи слов в высказывании. Однако, несмотря на всю гибкость и относительную самостоятельность морфологической структуры слова, именно за счет союзов происходит формирование смысла законченного высказывания [23]. Так, употребление того или иного вспомогательного слова способно представить две совершенно разные мысли при условии, что знаменательные слова остаются неизменными. Сравним два примера в русском языке: «*Она пришла, И я уехал домой*» и «*Она пришла, НО я уехал домой*» (пример авторов статьи. – С. Я., И. К.). В обоих случаях использованы сочинительные союзы, однако в первом примере мы можем проследить последовательность действий и причинно-следственные связи (она пришла, и после этого я уехал домой. То есть я ждал, пока она придет, чтобы уехать). Во втором же примере говорится о результате двух разных и не связанных друг с другом действий (она пришла, но меня не было дома. То есть я ушел до этого). Как видим, союзы играют роль контекстуализаторов, воплощая помимо синтактико-грамматической еще и семантическую функцию.

Неоднозначно дело обстоит с полисинтетическими языками. Предполагается, что морфологические особенности таких языков позволяют обходиться без служебных частей речи, а все виды отношений в высказывании реализуют именные аффиксы [6, с. 127]. Однако, по замечанию Дж. Хетланда и В. Молнар [24, р. 114], при обучении детей полисинтетическим языкам наблюдается следующая тенденция: на начальном этапе изучения языка как родного ребенок прибегает к аналитическим конструкциям, связывая слова в предложении посредством союзов и предлогов, послелогов, и уже после переходит к более сложным полисинтетическим конструкциям.

В то же время, учитывая особенности эволюции языков, а именно плавный переход от полисинтетизма к аналитизму (главным образом ввиду поглощения малых полисинтетических языков крупными аналитическими и синтетическими), мы можем утверждать, что вопрос о возрастающей роли служебных частей речи как маркеров грамматического и синтаксического смысла не теряет своей актуальности.

Таким образом, из проведенного анализа выражения грамматических и синтаксических функций союзов в предложениях мы можем заключить, что наличие союзных связей присуще синтаксису всех изученных к данному моменту языков, даже если в этих языках и нет такого явления, как союз, но есть иные средства выражения союзной связи.

Семантическая универсальность союзов

Говоря о семантическом значении союзов, мы подразумеваем их способность не просто передавать связи внутри высказывания, но возможность обозначения конкретных типов отношений, под которыми подразумеваются пространственные, временные, причинно-следственные, целевые и т.д. [26, p. 354]. Таким образом, можно заключить, что в союзах кроется не только выражение отношений взаимозависимости между компонентами высказывания, но и отношений в самой действительности. К примеру, по выражению А. Унуби [28], основная семантическая роль союзов в английском языке заключается в выражении двух идей: того, что произошло, и каких-либо условий, сопутствующих этому.

Семантическое значение союзов предполагает, что в том или ином языке существует возможность передать смысл высказывания не только при помощи знаменательных частей речи, но и посредством служебных, и зачастую именно служебные части речи, такие как союзы, предлоги и послелого, влияют на конечную семантику высказывания [20]. В качестве простого примера можно привести одно предложение с определённым набором знаменательных слов, в данном случае меняя лишь предлоги [28]:

He had come here before you. / Он пришел сюда ДО тебя.

He came here after you. / Он пришел сюда ПОСЛЕ тебя.

He came here with you. / Он пришел сюда С тобой.

Как можно видеть, семантика высказывания в данном случае напрямую зависит от служебного слова. Изменение смыслового значения прослеживается в двух языках, однако такая тенденция свойственна всем языкам, как близкородственным (см. англ. *before / after / with* / нем. *vor / nach / zusammen mit*), так и неродственным (см. фин. *ennen / kun / kanssa*). Учитывая тот факт, что английский – язык аналитический, как было сказано ранее, а финский – язык синтетический, а также то, что эти языки представляют совершенно разные языковые семьи, мы можем заключить, что передача семантического значения посредством служебных средств присуща не каким-то конкретным группам языков, но человеческому языку в целом. В полисинтетических языках, несмотря на отсутствие категорий союза, предлога и послелога, союзные связи обнаруживаются в структуре самого высказывания, но, как уже было сказано ранее, морфология и грамматика полисинтетических языков в настоящее время отличается тенденцией к упрощению и заимствованию аналитических конструкций.

Прагматическая универсальность союзов

Семантическое значение союзов неизбежно связано с их прагматическим значением [25, S. 18; 27, p. 203]. По мнению авторов, на самом деле прагматическое значение в предложении преобладает над семантическим, так как в первую очередь человек намерен донести какую-либо мысль, и лишь затем подбирает необходимые для этого грамматические и семантические средства. Таким образом, прослеживается разница между семантическим и прагматическим значениями. Так, семантическое значение высказывания строится на значении входящих в него элементов, т.е. на тех значениях, что универсальны и не зависят от данного конкретного контекста. Прагматическое же значение выражения зависит комплексно от интенции говорящего, особенностей реципиента и общего языкового и внеязыкового окружения коммуникантов [19, p. 694; 29, p. 18].

Прагматическая роль служебных частей речи в построении выражений заключается в преобразовании маркеров различных аспектов речевого дискурса. Так, «*да*» в русском языке может выступать в роли союзного слова, способного менять семантику и прагматику предложения. В зависимости от местоположения, а также просодических особенностей (при устной речи), «*да*» может передавать разные сообщения (пример авторов статьи. – С. Я., И. К.):

Мы идем в кино, ДА?

ДА, мы идем в кино.

ДА, мы идем в кино!

Прагматический потенциал союзного слова «*да*» в первом случае раскрывается в рамках подтверждения в вопросительном предложении. Второй пример – простая констатация факта со значением согласия или подтверждения (в зависимости от интенции и контекста). Третий же пример – эмоциональный восторг или подтверждение.

Подобные примеры не трудно обнаружить и в других языках (например, *right* в английском, *wahr* в немецком, *si* во французском и т.д.). Очевидным представляется факт прагматического потенциала союзов в построении речи [15, с. 80-82]. Таким образом, мы можем говорить о союзах как о прагматической универсалии человеческого языка.

Заключение

О чем в конечном итоге говорит способность человека в своей речевой деятельности оперировать союзами? Этот вопрос сегодня следует поставить в контексте исследований поистине выдающихся способностей высших животных к «языку» [1]. Если принять позицию фундаментальной онтологии о том, что человеческий язык способен выразить смысл самого Бытия (в его отличии от сущего), то именно в союзах речи, в способности человека непосредственно понимать их символический смысл мы и должны увидеть как специфичность, так и универсальность человеческого языка. Иными словами, мы приходим к простому и вместе с тем радикальному положению: сущностное отличие человеческого языка состоит в когнитивно-семантической (смысловой) нагруженности грамматических союзов речи. Ни имя существительное как таковое, ни глагол

не способны передать то, чем человеческий язык отличается от языковых (даже искусственно развитых) способностей животных и возможных компьютерных систем. Только способность к пониманию смысла союзов, того, что они позволяют мыслить «чистые» отношения, создает человеческий язык.

Список источников

1. Бурлак С. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. М.: Corpus, 2011. 464 с.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. XII+780 с.
3. Деррида Ж. Добавление связи. Философия перед лингвистикой // Деррида Ж. Поля философии. М.: Академический Проект, 2012. С. 207-241.
4. Деррида Ж. Differance [Электронный ресурс]. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Derr/diff.php (дата обращения: 29.08.2018).
5. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
6. Кумахов М. А. О структуре предложения в языках полисинтетического типа // Универсалии и типологические исследования. Мещаниновские чтения. М.: Наука, 1974. С. 125-134.
7. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь [Электронный ресурс]. URL: <http://scicenter.online/obschaya-lingvistika-scicenter/fillmor-delo-padeje-otkryivaetsya-vnov-162322.html> (дата обращения: 29.08.2018).
8. Флоренский П. Иконостаc. Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил; Русская книга, 1993. 365 с.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.
10. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 192-220.
11. Хайдеггер М. Тождество и различие. М.: Гнозис; Логос, 1997. 64 с.
12. Хайдеггер М. Что значит мыслить? // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. С. 134-145.
13. Хомский, Ноам [Электронный ресурс]. URL: <http://rnbo.khb.ru/files/cor/8769.htm> (дата обращения: 28.08.2018).
14. Якобсон Р. Язык и бессознательное / пер. с англ., фр. К. Голубович, Д. Епифанова, Д. Кротовой, К. Чухрукидзе, В. Шеворошкина; сост., вступ. слово К. Голубович, К. Чухрукидзе; ред. пер. Ф. Успенский. М.: Гнозис, 1996. 248 с.
15. Ячин С. Е. Слово и феномен. М.: Смысл, 2006. 145 с.
16. Agamben G. *Infancy and History. The Destruction of Experience*. L. – N. Y.: Verso, 1993. 176 p.
17. Bollegala D., Maehara T. K. Embedding Semantic Relations into Word Representations // Proceedings of the Twenty-Fourth International Joint Conference on Artificial Intelligence (IJCAI), 2015. Liverpool, 2015. P. 1222-1228.
18. Bumford D. Universal quantification as iterated conjunction [Электронный ресурс]. URL: http://events.illc.uva.nl/AC/AC2013/uploaded_files/inlineitem/09_Bumford.pdf (дата обращения: 31.08.2018).
19. Carston R. Conjunction and pragmatic effects // The Encyclopedia of Language and Linguistics: in 10 vols. Oxford: The Pergamon Press, 1994. Vol. 2. P. 692-698.
20. Dingwall W. O. Secondary Conjunction and Universal Grammar. DOI: 10.1080/08351816909389117 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/08351816909389117> (дата обращения: 31.08.2018).
21. Fillmore C. The Case for Case [Электронный ресурс]. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED019631.pdf> (дата обращения: 29.08.2018).
22. Greenberg J. H. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements // Universals of Language / ed. by J. H. Greenberg. Cambridge (MA): MIT Press, 1963. P. 73-113.
23. Greenberg J. H., Ferguson Ch. A., Moravcsik E. A. Universals of human language. Stanford: Stanford University Press, 1978. 463 p.
24. Hetland J., Molnar V. Structures of focus and grammatical relations. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2003. 260 p.
25. Limbach J., Ruckteschell K. von. Die Macht der Sprache. Eine philosophisch-soziologische Reflexion // Langenscheidt KG / Goethe-Institut. München, 2008. S. 18-22.
26. Rooth M., Barbara H. Conjunction type ambiguity and wide scope “or” // Proceedings of the 7th West Coast Conference on Formal Linguistics. University of California, 1982. P. 353-362.
27. Schleppegrell M. J. Conjunctions in Spoken English and ESL Writing // Applied Linguistics. 1996. Vol. 17. № 3. P. 202-213.
28. Unubi A. S. Conjunctions in English: Meaning, Types and Uses // International Journal of Social Science and Humanities Research. 2016. Vol. 4. Iss. 3. P. 202-213.
29. Uryson E. V. Conjunctions, Contextualizers, and Syntax Theory. Studies in Applied Linguistics. Issue 1 // Studie z Aplikované Lingvistiky. 2013. Vol. 7. Iss. 2. P. 7-20.
30. Wierzbicka A. Semantic Primitives. Frankfurt a/M: Athenäum-Verlag, 1972. 235 p.
31. Wierzbicka A. Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, Japanese [Электронный ресурс]. URL: http://npu.edu.ua/e-book/book/djvu/A/iif_kgpm_0195088360.pdf (дата обращения: 29.08.2018).

CONJUNCTIONS AS LANGUAGE UNIVERSALS

Yachin Sergei Evgen'evich, Doctor in Philosophy, Professor
Kokhan Irina Nikolaevna
Far Eastern Federal University, Vladivostok
yachin.se@dvfu.ru; irinakokhan0502@gmail.com

In the light of M. Heidegger's hermeneutic ontology, the article reveals the role of conjunctions as parts of speech in understanding the essence of a human language. In contrast to the traditional, mainly syntactic understanding of conjunctions in linguistics, it is proposed to consider them in the semantic and cognitive aspect. It is found out that conjunctions are responsible for the conceivability of “pure” relations as reality of a special kind. The authors substantiate the thesis that it is the presence of conjunctions that characterizes the specificity of a human language, its poetic, constructive force. The significance of conjunctions is revealed in semantic, syntactic, pragmatic and cognitive dimensions.

Key words and phrases: thinking; language; language universals; parts of speech; conjunctions; linguistic typology.